

О происхожденіи видовъ, сочиненіе *Чарльса Дарвина*. Перевель съ англійскаго *С. А. Рачинскій*. Изданіе третье, исправленное. Москва 1873.

Zum Streit Яber den Darwinismus Von *K. E. von-Baer*. (aus der «Augsburger Allgemeinen Zeitung»). Dorpat. 1873. (*Къ спору о дарвинизмѣ*. К. Э. Бэра [изъ «Всеобщей Аугсбургской Газеты»]. Дерпт. 1873).

Русскій переводъ главнаго сочиненія Дарвина вышелъ уже третьимъ изданіемъ. Другое его сочиненіе, *О происхожденіи челоувѣка*, появилось у насъ, какъ извѣстно, въ трехъ переводахъ разомъ. И такъ, Дарвинъ у насъ популярный писатель; онъ читается не только спеціалистами, а массою публики, людьми питающими притязаніе на образованность и просвѣщеніе. Къ сожалѣнію, никакъ нельзя радоваться подобному распространенію *любви къ серьезному чтенію*; нынѣшняя страсть къ Дарвину есть явленіе глубоко-фальшивое, чрезвычайно уродливое. Дарвинъ повидимому пишетъ ясно и отличается большою точностію и простотою выраженій; но нельзя сказать чтобы онъ писалъ толково; онъ не указываетъ хода своихъ мыслей, ихъ отношенія къ существующимъ понятіямъ, ихъ точнаго объема. Два его сочиненія *О происхожденіи видовъ* и *О происхожденіи челоувѣка* имѣютъ совершенно неправильное заглавіе; они никакого *просхожденія* не объясняютъ; первое приличнѣе было бы назвать трактатомъ о *вымираніи видовъ*, а второе о *чертахъ сходства*, существующаго между челоувѣкомъ и животными.

Какъ бы то ни было, путаница въ умахъ читателей, возбужденная Дарвиномъ, невѣроятно велика; это одинъ изъ самыхъ жалкихъ примѣровъ уродливостей, порождаемыхъ наукою, когда она перестаетъ быть дѣломъ строгаго изслѣдованія. Естественно что въ массѣ публики вопросы ставятся грубо, рѣзко, господствуютъ предрасудки, дѣйствуетъ авторитетъ — и вотъ ученіе нетвердое и одностороннее возводится на степень доказанной истины и набираетъ множество приверженцевъ,

которые вѣрятъ даже не тому, что имъ доказано и что заключается въ словахъ ихъ авторитета, а собственнымъ своимъ выдумкамъ.

Относительно Дарвина можно сказать, что его не знаютъ и не понимаютъ не только обыкновенные читатели, но и сами ученые, ставшіе его послѣдователями. Въ Германіи самый извѣстный изъ дарвинистовъ есть нѣкто *Геккель*, авторъ многихъ объемистыхъ ученыхъ сочиненій. Между тѣмъ его пониманіе Дарвиновой теоріи ужасно по своей грубости. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ излагаетъ сущность дѣла:

«Необыкновенная заслуга *Дарвина*, котораго сочиненіе *О происхожденіи видовъ* вдругъ возбудило къ новой сильной жизни совершенно замолкшую теорію *перерожденія*, состоитъ не только въ томъ, что онъ изложилъ ее обширнѣе и полнѣе своихъ предшественниковъ и вооружилъ ее всѣми собранными до сихъ поръ доказательствами разныхъ отраслей зоологической и ботанической науки^{*)}. Еще большая заслуга великаго англійскаго натуралиста состоитъ въ томъ, что онъ въ первый разъ создалъ теорію, которая *объясняетъ механически процессъ происхожденія видовъ*, т. е. сводить его на физическія и химическія причины, на такъ называемыя слѣпыя, безсознательныя и безъ плана дѣйствующія силы природы. Эта теорія, составляющая вѣнецъ и довершеніе всего зданія механическаго пониманія природы, есть ученіе о естественномъ подборѣ».

«Слѣпыя, безсознательно и безцѣльно дѣйствующія силы природы, которыя, какъ доказываетъ *Дарвинъ*, составляютъ естественныя дѣйствующія причины всѣхъ сложныхъ и повидимому столь цѣлесообразно устроенныхъ формъ въ животномъ и растительномъ царствѣ, суть жизненныя свойства *наслѣдственности* и приспособленія или *измѣняемости*. Оба эти жизненныя свойства принадлежатъ всѣмъ организмамъ безъ исключенія, и составляютъ лишь особыя обнаруженія или частныя явленія двухъ другихъ, болѣе общихъ жизненныхъ дѣятельностей, отправленій *размноженія* и *питанія*, и именно — приспособленіе тѣсно связано съ питаніемъ, а наслѣдственность съ размноженіемъ. Но такъ какъ *всѣ явленія питанія и размноженія суть*

чисто механическіе процессы природы и производятся только одними физическими и химическими причинами, то то же можно сказать и о ихъ частныхъ явленіяхъ, объ отправленіяхъ приспособленія и наслѣдственности. Исключительно только взаимодействіе этихъ отправленій и тѣ внѣшнія обстоятельства, подѣ вліяніемъ которыхъ совершается это взаимодействіе, — суть причины органическихъ образованій и преобразованій.” (Ueber die Entstehung und der Stammbaum des Menschengeschlechts. Dr. Ernst Haeckel, Berl. 1868. s. 23, 24).

Вотъ изложеніе, противъ котораго долженъ бы жестоко вооружиться самъ Дарвинъ, если бы заботился о точномъ смыслѣ своей теоріи, а не объ одной извѣстности, не объ одномъ пріобрѣтеніи поклонниковъ, каковы бы они ни были. Но противъ словъ Геккеля вооружится и всякій физикъ, всякій фізіологъ. Какъ? — наслѣдственность и измѣняемость суть *силы природы!* Большеи безсмыслицы въ употребленіи слова *сила* еще не бывало. «Питаніе и размноженіе суть чисто механическіе процессы»; но кто же и когда это доказалъ? Какой фізіологъ не скажетъ, что не сдѣлано ни шагу для этого доказательства? И Дарвинъ, выдумавшій для объясненія роста и размноженія организмовъ особую гипотезу *пангенезиса*, не долженъ ли прямо сказать, что онъ понимаетъ питаніе и размноженіе никакъ не механически, а скорѣе чисто органически?

Мысль Дарвина очевидно получила у Геккеля самый превратный смыслъ. Но мы видимъ отсюда, чего бы хотѣлось Геккелю, и почему, какъ онъ, такъ и множество другихъ, стали такими ревностными приверженцами Дарвина. Дарвинъ сдѣлалъ только шагъ къ устраненію понятія *цѣлесообразности* въ организмахъ; онъ вовсе не проповѣдовалъ *слѣпыхъ, механически-дѣйствующихъ силъ измѣяемости и наслѣдственности*, а только попытался свести чудесное устройство организмовъ на *случайное приспособленіе*. Но его послѣдователи уже трубятъ, что зданіе механическаго взгляда на природу закончено и увѣнчано, что найдены силы, объясняющія всѣ формы организмовъ.

Ничего не найдено, и ничего не объяснено. Въ томъ главномъ сочиненіи Дарвина, заглавіе котораго стоитъ въ началѣ нашей статьи,

онъ не говоритъ ни единого слова, которое имѣло бы цѣлью объясненіе роста и наслѣдственности. И вообще этого объясненія нѣтъ нигдѣ въ его сочиненіяхъ, кромѣ предпоследней, XXVII главы его сочиненія «The variation of animals and plants»; а въ этой главѣ онъ объясняетъ ростъ и наслѣдственность не механически, а посредствомъ гипотезы, состоящей изъ очень хитраго и невѣроятнаго усложненія *органическихъ* процессовъ. Такъ что Дарвинъ и не думалъ и не могъ говорить такой глупости, что ростъ и наслѣдственность суть механическія силы природы, не думалъ и не могъ говорить, что онъ объяснилъ эти явленія какъ механическій процессъ.

Но если такъ, то что же сдѣлалъ Дарвинъ? Оказывается что это гораздо труднѣе понять, чѣмъ обыкновенно думаютъ. И въ самомъ дѣлѣ его послѣдователи большею частію защищаютъ не его мнѣнія, а свои собственныя, и его противники нападаютъ на то, чего онъ вовсе не думалъ. Чтобы кратко указать въ чемъ состоитъ дѣйствительная мысль Дарвина, мы приведемъ слова Гельмгольца, старавшагося, въ одной изъ своихъ рѣчей, объяснить, что новаго внесъ въ науку Дарвинъ.

«Теорія Дарвина», говоритъ Гельмгольцъ, «сдѣлала возможнымъ совершенно новое объясненіе *органической цѣлесообразности*».

«Эта замѣчательная и съ развитіемъ науки все болѣе и болѣе раскрывавшаяся цѣлесообразность въ строеніи и отправленіяхъ живыхъ существъ была главною причиною побудившею сравнить жизненные процессы съ дѣйствіями сознательнаго и разумнаго принципа. Мы знаемъ во всемъ окружающемъ насъ мірѣ только одинъ рядъ явленій, имѣющихъ подобный характеръ, — именно дѣйствія и созданія разумнаго человѣка; и мы должны признать, что во множествѣ случаевъ цѣлесообразность органическаго міра на столько превосходитъ способности человѣческаго разума, что ей можно приписать скорѣе высшія, чѣмъ низшія свойства».

«До Дарвина извѣстны были только два объясненія органической цѣлесообразности, которыя оба предполагали вмѣшательство свободнаго разума въ ходъ естественныхъ процессовъ. Первое объясненіе, совпадающее съ виталистическою теоріей, предполагаетъ, что всѣ жизненные процессы управляются постоянно *жизненною душою*;

другое же объяснение прибѣгаетъ къ сверхъестественному разумному существу, творческой актъ котораго произвелъ въ отдѣльности каждый существующій видъ организмовъ. Последнее воззрѣние, хотя и принимаетъ болѣе рѣдкія нарушенія законной связи естественныхъ явленій и позволяетъ относиться строго-научнымъ образомъ къ тѣмъ процессамъ, которые наблюдаются въ живущихъ теперь органическихъ видахъ, но и оно не могло вполне устранить всякое нарушеніе естественной законмѣрности, и поэтому едва ли имѣетъ значительное преимущество сравнительно съ виталистическимъ воззрѣніемъ, которое, съ другой стороны, имѣетъ сильную поддержку въ естественномъ стремленіи человѣка искать за одинаковыми явленіями одинаковыя причины”.

«Теорія Дарвина заключаетъ въ себѣ существенно новую плодотворную идею. Она показываетъ, какъ цѣлесообразность въ строеніи организмовъ *можетъ произойти* безо всякаго вмѣшательства внѣшняго разума, единственно черезъ необходимое дѣйствіе закона природы, — именно закона наслѣдственности индивидуальных особенностей, — закона давно извѣстнаго и признаннаго, но нуждавшагося въ болѣе опредѣленномъ формулированіи.” («Беседа», 1871, іюнь, стр. 265, 266).

И такъ вотъ въ чемъ дѣло, вотъ узелъ вопроса. Главный вѣсь и смыслъ Дарвиновой теоріи заключаются въ отрицаніи *цѣлесообразности* организмовъ, въ предположеніи, что эта цѣлесообразность произошла отъ накопленія *случайныхъ* измѣненій, оказавшихся выгодными для существъ, въ которыхъ эти измѣненія случились. Ростъ и наслѣдственность не объясняются въ этой теоріи, а *предполагаются* какъ данныя явленія, *изъ которыхъ* нужно объяснить остальныя. Дарвинъ собственно стремится свести сложныя и частныя органическія явленія на болѣе простыя и общія, на измѣняемость и наслѣдственность. Но такъ какъ онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ сущность этихъ простѣйшихъ явленій, и даже не знаетъ какихъ-нибудь точныхъ и общихъ законовъ по которымъ они совершаются, то онъ и не могъ сдѣлать этого сведенія надлежащимъ образомъ, а прибѣгнулъ къ уловкѣ, состоящей въ *отрицаніи* того, что требуется для объясненія.

Дарвинъ предполагаетъ собственно, что наслѣдственность и измѣняемость не слѣдуютъ *никакимъ законамъ*, движутся по *всевозможнымъ* направлѣніямъ, и что правильность и цѣлесообразность получаютъ только отъ исчезанія формъ, не могущихъ выдержать *борьбы за существованіе*. Вотъ почему всякій законъ, открываемый въ явленіяхъ измѣнчивости и наслѣдственности, ведетъ къ опроверженію теоріи Дарвина. Сила этой теоріи, вся ея привлекательность для умовъ заключается именно въ предположеніи *отсутствія законовъ*, въ сведеніи явленій на игру случайностей.

Простодушные читатели часто думаютъ и говорятъ, что Дарвинъ что-то *доказалъ* или *открылъ* или *опровергъ*; между тѣмъ ничего подобнаго объ немъ сказать нельзя; онъ только внесъ въ эту область естественныхъ наукъ свой взглядъ, *идею случайности*, идею совершенно несостоятельную, но которая увлекла умы своимъ отрицательнымъ характеромъ, освобожденіемъ отъ другихъ идей. Что-же касается до фактовъ, то они остались тѣ-же, какъ и были — загадочные, безконечно-таинственные и сложные; объяснить ихъ смыслъ еще никому не дано; можно только отрицать его — что и сдѣлалъ Дарвинъ.

Въ маленькой брошюркѣ знаменитаго Бэра, отца научной эмбриологіи, приводится отзывъ Агасиза, что дарвинизмъ есть *цѣлое болото голословныхъ утвержденій*. «Конечно, говорить Бэръ, это очень жестко; но бѣда въ томъ, что эта жесткость высказана натуралистомъ, котораго никто не можетъ упрекнуть въ неспособности къ общимъ идеямъ, и который сверхъ того обладаетъ основательнѣйшими свѣдѣніями въ палеонтологіи, въ исторіи развитія и въ сравнительной анатоміи, то есть именно въ областяхъ науки наиболѣе нужныхъ при рѣшеніи вопроса о филогенетическомъ развитіи животныхъ формъ» (стр. 5).

Самъ Бэръ очень хорошо видитъ въ чемъ заключается узелъ Дарвиновой теоріи, зерно ея силы, и весьма остроумно разсуждаетъ объ этомъ.

«Въ чемъ состоятъ», спрашиваетъ онъ, тѣ условія, которыя по теоріи Дарвина должны намъ объяснить цѣлесообразность устройства

органическихъ тѣлъ? Конечно, въ томъ, что все менѣе цѣлесообразное въ формахъ, происшедшихъ отъ безконечно продолжающейся измѣнчивости, уничтожается въ *борьбѣ за существованіе*? Смутно припоминается мнѣ при этомъ, что я уже когда-то читалъ или слышалъ о попыткѣ достигнуть цѣлесообразнаго и даже глубокомысленнаго черезъ исключеніе всего негоднаго, производимаго случайно измѣнчивостію. Это смутное воспоминаніе я стараюсь перетянуть за *порогъ сознанія*, — и вотъ оно встаетъ передо мной живо и ясно! Въ Академіи города Лагадо, одинъ философъ, основываясь на вѣрной мысли, что всякая достижимая для людей истина можетъ быть выражена только словами, написалъ всѣ слова своего языка во всѣхъ ихъ грамматическихъ формахъ на сторонахъ кубиковъ, и выдумалъ машину, которая не только переворачивала эти кубики, но и ставила ихъ въ рядъ. Послѣ каждаго поворота машины, слова, показывавшіяся рядомъ, прочитывались, и если три или четыре слова имѣли вмѣстѣ какой-нибудь смыслъ, они заносились въ книгу, чтобы такимъ образомъ достигнуть всевозможной мудрости, которая вѣдь ни въ чемъ иномъ не могла выразиться кромѣ словъ. Такимъ образомъ исключеніе негоднаго было тоже механическое и совершалось несравненно быстрѣе, чѣмъ въ *борьбѣ за существованіе*. Но чего же достигли этимъ съ теченіемъ времени? Къ сожалѣнію извѣстій объ этомъ у насъ нѣтъ. Единственный историкъ Академіи Лагадо есть Гулливеръ въ своихъ путешествіяхъ къ отдаленнымъ народамъ, именно въ третьемъ путешествіи. Въ то время, какъ онъ былъ тамъ, уже было наполнено отдѣльными изрѣченіями нѣсколько фоліантовъ, но предполагалось, въ интересъ общества и ради его просвѣщенія, построить и принести въ дѣйствіе 500 такихъ машинъ на казенный счетъ! Долго принимали этого разказчика за шутника, такъ какъ само собою разумѣется, что цѣлесообразное и глубокомысленное никакъ и никогда не можетъ возникнуть изъ случайныхъ частныхъ, но уже съ самаго начала должно быть мыслимо какъ нѣчто цѣлое, хотя и способное къ усовершенствованію. А вотъ теперь мы должны признать, что этотъ философъ былъ глубокой мыслитель, что онъ предвидѣлъ нынѣшніе триумфы науки!" (стр. 6, 7).

Такъ говорить геніальный старецъ, который — удивительно подумать — *пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ* основаль научную эмбриологію. Не безъ горькаго чувства онъ видитъ, что то великое движеніе идей, которое воодушевляло его юность и привело его къ созданію новой науки, — теперь изсякло, что прежде, чѣмъ оно принесло плоды, которыхъ отъ него ждали, произошелъ наплывъ новыхъ идей, въ борьбѣ съ которыми широкія и величавыя идеи былаго времени обнаружили странное, поражающее безсиліе. Зрѣлище чрезвычайно поучительное для того, кого интересуеть исторія идей и развитіе наукъ. Изъ брошюрки мы узнаемъ, что Бэръ пишетъ противъ дарвинизма и что всѣ его статьи относящіяся къ этой полемикѣ, и явившіяся и еще приготовляемыя, будутъ напечатаны во второмъ томѣ *Reden und Aufsätze* (рѣчи и статьи), — сборника, котораго первый и третій томъ уже вышли.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о русскихъ переводахъ Дарвина. Дарвинъ у насъ переводится и издается съ такою небрежностію, которая странно противорѣчитъ великому уваженію, повидимому питаемому къ нему и переводчиками и публикой. Изъ всѣхъ переводовъ и изданій, мы не знаемъ ни одной книги Дарвина, которою можно бы было удобно читать порусски. Лучшимъ еще можно считать переводъ о *происхожденіи видовъ*, хотя и тутъ читатель на каждой страницѣ спотыкается о такіе обороты:

«Весьма сожалью, что недостатокъ мѣста лишаетъ меня *удовлетворенія выразить* мою признательность” и пр. (стр. 2).

«Не могу удержаться отъ того, *чтобы привести* еще примѣръ” и пр. (стр. 57).

«Одинъ полновѣсный авторитетъ, сэръ Чарльсъ Лейелль, *по дальнѣйшему размышленію* впалъ на этотъ счетъ въ сильныя сомнѣнія” (стр. 233).

Это совсѣмъ не порусски. Но есть и такія мѣста, гдѣ нескладница происходитъ отъ слишкомъ большаго усердія переводчика къ русскому языку. Напримѣръ:

«Нѣтъ непогрѣшимаго *вѣдала* для распознаванія вида отъ рѣзкой разновидности” (стр. 44).

Имя существительное *въдало* встрѣтилось намъ въ первый разъ въ этой книгѣ; оно очевидно должно замѣнять слово *критерій*, которое переводчикъ нашелъ помѣхою для ясности и красоты русской рѣчи. Точно такъ изъ новаго третьяго изданія онъ изгналъ даже слово *натуралисть* и замѣнилъ его будто-бы болѣе благозвучнымъ и понятнымъ словомъ *естествоиспытатель*. Вотъ труды по истинѣ напрасны! Ужь если вы такъ любите русскій языкъ, то прежде всего и больше всего старайтесь сохранить его строй, русскій синтаксисъ, позаботьтесь о томъ, чтобы согласованіе словъ и теченіе рѣчи было точно, живо и ясно; а отдѣльныя иностранныя слова есть самое меньшее изъ золъ, возможныхъ въ русской книгѣ. Притомъ *натуралисть*, *критерій* не суть англійскія слова, а слова *всемірныя*, которыя поэтому должны употребляться въ каждомъ образованномъ языкѣ. Напротивъ, если вы англійское слово *satisfaction* переведете буквально *удовлетвореніе*, то вы сдѣлаете англицизмъ, который ни въ русскомъ и ни въ какомъ другомъ языкѣ терпимъ быть не долженъ.

Въ новомъ изданіи, хотя оно именуется *исправленнымъ*, кажется не сдѣлано никакого исправленія, кромѣ изгнанія слова *натуралисть*: ошибки, которыя мы привели, повторены въ третьемъ изданіи въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ явились въ первомъ. Опечатками новое изданіе кишитъ гораздо болѣе перваго.

Мы боимся утомлять читателей указаніемъ замѣченныхъ нами сверхъ того неточностей, пропущенныхъ словъ, неправильной передачи терминовъ и т. д. Но упомянуть объ этихъ неисправностяхъ считаемъ своимъ долгомъ. Горькій опытъ убѣдилъ насъ, что вообще изучать Дарвина по русскимъ переводамъ невозможно, что очень часто встрѣчается надобность обращаться къ подлиннику. Мы знаемъ, что хорошіе переводы вообще большая рѣдкость и всегда были рѣдкостію не въ одной нашей, но и во всякой другой литературѣ; но, соображая всѣ возможности и зная примѣры хорошихъ переводовъ, мы должны все-таки съ сожалѣніемъ сказать, что Дарвину какъ-то не посчастливилось въ русской литературѣ.

Н. Страховъ.